

В конце концов Тао Шаньцзэ всё же приготовил яичницу с рисом, используя оставшиеся яйца и замороженные овощи из холодильника. Каждое рисовое зёрнышко в этом блюде было окутано нежным яйцом, а внутри попадались ровно нарезанная морковь, ветчина и зелёный горошек. Тао Шаньцзэ поставил тарелку перед ним:

— Ешь.

Чи Мэй слизал собственную лапу:

— Корми меня. Иначе как я буду есть?

Тао Шаньцзэ усмехнулся:

— У тебя сейчас не хватает духовных сил, чтобы принять человеческий облик, и ты пришёл восстанавливать силы ко мне в дом?

Маленькое млекопитающее с оленьими рожками захлопало большими влажными глазами и издало жалобное мяуканье.

В конце концов Тао Шаньцзэ не смог проявить суровость: он зачерпнул ложку риса и поднёс к самому его рту. Розовый язычок гостя слизал и рисинки, и ложку дочиста.

— Ещё.

Туаньцзы выразил протест, желая к себе такого же обращения, как у Чи Мэй, но стоило ему только забраться на стол, как Чи Мэй взмахом хвоста сбросил его вниз:

— Глупая кошка, держись от меня подальше.

Тао Шаньцзэ: «.....»

Дрожащий Туаньцзы забился обратно в кошачью лежанку.

Наевшись и напившись, это рогатое звериное малыш громко рыгнуло, единым махом шмыгнуло в спальню Тао Шаньцзэ, а спустя мгновение оттуда вышел писанный красавец. На нём была одежда, которая оказалась ему явно маловата, а в руке он держал книгу с надписью на обложке: «Странные истории из кабинета неудачника (Ляочжай чжи и)».

Тао Шаньцзэ глубоко вздохнул:

— Почему ты в моей одежде?

— Или мне голышом ходить? — небрежно бросил Чи Мэй, усаживаясь на диван и раскрывая старинный фолиант.

Том был в переплёте ручной работы, с пожелтевшими страницами, потрепанной обложкой — будто куплен на какой-нибудь барахолке. И всё же четыре иероглифа на нём выделялись необычайно чётко.

Не открывая книгу, Чи Мэй лишь отрешённо уставился на эти четыре знака:

— Дела преисподней, а смертный описал их на удивление понятно.

Тао Шаньцзэ взял книгу, чтобы рассмотреть её поближе. Фолиант источал сильный налёт старины; он помнил, что стоило ему собрать все до единой страницы, как он сможет избавиться от своей болезни, но стоило открыть переплёт, как он остолбенел: внутри было абсолютно пусто.

— Куда делись найденные мной страницы? — недоверчиво спросил Тао Шаньцзэ.

— С чего бы простому смертному их видеть? — усмехнулся Чи Мэй.

— Не думай, что страницы, которые ты нашёл, принадлежат этой книге. То, что ты отыскал — лишь пропуск для нового входа в мир.

— В первый раз каждого затягиваю я сам, но если из какого-то мира не удастся выбраться, то и пропуска на следующий раз не получишь, и в итоге заблудишься среди миров, — Чи Мэй сладко зевнул. — Можешь поразмыслить на досуге, а я спать.

После этого Чи Мэй с поистине потрясающей естественностью направился в спальню Тао Шаньцзэ и вальяжно разлёгся на его постели.

— — Тао Шаньцзэ едва не задохнулся от злости. Откуда у него столько самоуверенности?!

— Мне очень нравится твой запах, может, в эпоху глубокой древности мы были знакомы, — сонно пробормотал Чи Мэй, после чего свернулся калачиком и вновь обернулся крошечным божественным зверем Бай Цзэ.

Тао Шаньцзэ очень хотел ухватить его за шкурку и бросить на пол, но многолетняя привычка возиться с кошками не позволяла поднять руку на такое пушистое создание. В конце концов он всё же лёг рядом с Чи Мэй.

Ладно, всё остальное — завтра.

Спустя три минуты рогатое создание уже размеренно урчало во сне, в то время как Тао Шаньцзэ ворочался с боку на бок и никак не мог уснуть. И всё из-за того, что в голове у него крутились золотое заклятие и те знаки, что начертала лунно-белая кисть. Он не знал ни единого, но при этом запросто мог прочитать их, и именно эти письма служили идеальным средством для укрощения Чи Мэй.

Точь-в-точь как золотой обруч между Тан Сяньцзаном и Сунь Укуном. При этом сам Чи Мэй, казалось, напрочь забыл, сколь кровопролитным было его пребывание в Мире Ляочжая, отделившись лёгкой фразой о том, что он просто слегка укусил.

Если бы рана не исчезла, Тао Шаньцзэ сейчас числился бы инвалидом первой группы, и еще неизвестно, откачала бы его скорая помощь или нет.

Для Бай Цзэ явиться в современность в качестве древнего божественного зверя было всё равно что рыбе оказаться в воде. Главное же заключалось в том, что его прудом был сам Тао Шаньцзэ.

Проснувшись утром, Тао Шаньцзэ обнаружил, что его тело полностью оцепенело и не двигается. Причина крылась в том, что чья-то нога тяжелым грузом лежала у него поперек поясницы, а сам этот некто преспокойно спал, издавая едва слышное сопение. Тао Шаньцзэ никак не мог взять в толк, как подобное создание, начисто лишённое какого-либо материалистического обоснования, вообще умудряется существовать.

— Проснись! — Тао Шаньцзэ с силой толкнул его большую башку, но это не возымело никакого эффекта — лишь заставило того погрузиться в сон ещё глубже.

Тогда Тао Шаньцзэ не удержался и принялся внимательно разглядывать спящего. Его черты лица выглядели так, словно самый искусный пластический хирург собрал воедино всё самое совершенное и наложил на одно лицо; впрочем, этого было мало — требовалась ещё природная искра и поддержка некой таинственной силы.

Но стоило вспомнить силу укуса Чи Мэй, как Тао Шаньцзэ передёрнуло: боль отдавалась в теле до сих пор. Он дотронулся до собственной шеи — там всё ещё ощущалось остаточное тепло зубов. Чувство отвращения к соседу по кровати вспыхнуло с новой силой, и он злобно спихнул чужую ногу со своего туловища.

Эта обладающая собственным разумом нога тут же вернулась на прежнее место.

Тао Шаньцзэ: «.....»

— Чи Мэй! — завопил Тао Шаньцзэ, на что тут же услышал ленивый голос:

— Чего кричишь? Лучше сделай мне сендвич на пробу.

Тао Шаньцзэ безмолвно задохнулся от возмущения, но открыто бушевать не смел. Подавив гнев, он налил стакан воды и вылил всю её прямо на голову Чи Мэй.

Глаза Чи Мэй, до этого наполовину прикрытые, распахнулись от ужаса. Он уставился на Тао Шаньцзэ так, будто перед ним стоял древний жуткий монстр, с совершенно обескураженным и даже наивным видом:

— Ты чего?

Тао Шаньцзэ почувствовал себя так, будто изо всех сил ударил по куску ваты — злиться расхотелось окончательно. С хлопком захлопнув дверь, он ушёл на кухню.

Чи Мэй лениво шлёпнул тапочками и неторопливо устроился за обеденным столом:

— Сендвич слегка остыл, а я хотел бы горячего.

Сохранив на лице улыбку и посылая проклятия про себя, Тао Шаньцзэ посмотрел на свалившиеся от воды волосы гостя и сквозь зубы процедил:

— Если не съешь это сейчас, я всё сожру сам.

— Ну ладно, раз уж ты так просишь, я одолжусь, — в уголках глаз Чи Мэй заиграла целая водная гладь персикового цвета.

У Тао Шаньцзэ не было времени на праздные разговоры. Воспользовавшись тем, что в памяти ещё свежи те символы, он за спиной у Чи Мэй тщательно перенёс их на бумагу, намереваясь позже заняться поисками и выяснить, что это за письма.

Сегодня уже слишком поздно, выкладывать главы сразу по двум произведениям разом тяжело, завтра прода будет побольше, чмоки!

Но к этому моменту Чи Мэй снова принял кошачий облик. Свернувшись калачиком на груди у Тао Шаньцзэ и лениво поглаживая лапкой мордочку, он произнес:

— Выгуляешь меня?

Тао Шаньцзэ сдержал подступающие эмоции:

— Ты же ёкай, почему не обернёшься человеком?

— Сил моих пока не хватает. К тому же, разве может что-то сравниться с уютом в твоих

объятиях? — Чи Мэй, казалось, в упор не замечал гнева Тао Шаньцзэ и с наслаждением заворачивался на его груди.

Тао Шаньцзэ закатил глаза.

Улица Яньюй, переулок 17.

Небесная улица омыта мягким, словно кунжутное масло, дождичком — погода стояла как раз под стать пасмурная и морозящая. Тао Шаньцзэ закрепил на груди переноску-рюкзак, в которой сидел превратившийся в кота Чи Мэй. Две дымчато-серые кошачьи глаза непрерывно бегали по сторонам, точь-в-точь малыш, впервые попавший в детский сад.

Пухлая тряпичная кошка Туаньцзы из дома Тао Шаньцзэ оказалась незаслуженно обижена: перед самым уходом она жалобно мяукала, пытаясь привлечь внимание, но Чи Мэй рявкнул на неё так, что бедняжка пулей умчалась обратно в корзину.

Если Тао Шаньцзэ и выбрал улицу Яньюй, то исключительно из-за того, что здесь располагался крупнейший в городе антикварный книжный магазин с трёхпоколенной историей. В детстве он то и дело забегал сюда за книжками; тогда лавкой заправлял добросердечный седовласый старик, хотя теперь дела, должно быть, перешли к его внуку.

Загадочные письма, увиденные им в Мире Ляочжая, не удавалось отыскать ни на одном просторе интернета. Накануне вечером он даже связался с бывшим сокурсником, специализировавшемся на древней словесности, но тот ответил, что хоть сам с подобным не сталкивался, вещи такого рода наверняка должны описываться в старинных трактатах.

И точно: следуя воспоминаниям, он отыскал 17-й переулок. Местная архитектура отдаленно напоминала старинные пекинские сыхэюани: у входа красовались два каменных льва, парадная углублялась внутрь, а на деревянных створках круглые бронзовые кольца в пасти львов пучили круглые глаза. Выше висела потрескавшаяся и облупленная деревянная доска с надписью: «Книжная лавка старинных фолиантов».

Это место казалось островком истинной чистоты, куда почти никто не заглядывал. По меркам современного мышления Тао Шаньцзэ, подобная точка притяжения для любителей инстаграма и селфи должна была ломиться от толп туристов, и юные девы непременно спешили бы сделать здесь снимки для соцсетей. Напротив, вокруг царил тишина — до странности глубокая тишина.

— Мяу, мяу, мяу, — не умолкая, голосил Чи Мэй из рюкзака. Не понимая смысла этих звуков, Тао Шаньцзэ слегка шлёпнул по пластиковому корпусу переноски.

Толкнув створку, он вошёл внутрь. Прямо с порога гостей встречала каменная ширма-экрана с высеченными на ней рыбками. Стоило обойти её, как открывался небольшой дворик, посреди которого между плитами синеватого камня пробивалась сорная трава.

Распахнув резную деревянную дверь, Тао Шаньцзэ сразу ощутил густой аромат сандала. Его кроссовки на толстой подошве глухо ступали по полу, издавая едва слышный скрип дерева. Каждый визит сюда неизменно потрясал его своей атмосферой глубокой древности. В нынешнюю эпоху словом «быстро» пропиталось абсолютно всё: короткие видеоролики, микроюмор и микроблоги стали главными источниками информации для людей, что привело к разорению бесчисленных реальных книжных магазинов.

Здесь же время словно замерло, не подвластное разрушительному бегу лет. Ряды фолиантов стояли ровными шеренгами, а пол и книжные шкафы были выдержаны в единой цветовой гамме. Если Тао Шаньцзэ не ошибался, возраст этого пола превосходил его собственный.

— Не желаете чаю?

Тао Шаньцзэ как раз разглядывал книги на полке — потрескавшееся дерево шкафов было аккуратно покрыто слоем лака, а сверху красовались категории изданий. Звук приветливого голоса раздался неожиданно, судя по всему, исходил он от того самого человека, чей смех только что эхом пронёсся по залу.

Тао Шаньцзэ поднял голову, но первым среагировал Чи Мэй, хрипло испустив предупреждающий вопль. Стоявший перед ними молодой мужчина обладал мягкими чертами лица, а его раскосые глаза, смотря издалека, лучились лёгкой улыбкой. В руке он держал бамбуковый веер и легко обмахивался им, хотя в помещении вовсе не было жарко. На нём был застёгнутый на все пуговицы френч в стиле Чжуншаня, придававшая образу исключительную элегантность.

Подобно человеку, вышедшему на улицу в традиционном ханьфу, парень лет двадцати с небольшим в таком наряде неминуемо привлекал всеобщее внимание, но в его случае образ казался на редкость изысканным и благородным.

— Благодарю, не нужно, — улыбнулся Тао Шаньцзэ. Он отчётливо помнил старика из своего детства, и этот молодой человек ни капли на него не походил. Назвать их дедом и внуком было бы настоящим чудом генетики.

— Я бывал здесь в детстве, но тогда лавкой заведовал, кажется, ваш дед? — произнёс Тао Шаньцзэ, наблюдая, как незнакомец приближается. От того исходил ещё более насыщенный аромат — нечто среднее между влажной после дождя землей и нотками солнца, необычайно приятное обонянию.

— Верно, мой дед. Похоже, память у вас отменная, иначе вряд ли бы отыскали дорогу сюда, — легко улыбнулся молодой человек, складывая веер и закладывая руки за спину. В этот же миг в его облике проступила едва уловимая властность.

— У вас очень красивый кот, но содержать питомцев в заведении запрещено. Не могли бы вы оставить его на стойке? — добавил парень, слегка постучав пальцем по прозрачному пластику переноски.

Тао Шаньцзэ уже собирался согласиться, но висевший на груди рюкзак вдруг заходил ходуном. Взбешенный Чи Мэй высунул когти, распушил шерсть и завопил человеческим голосом:

— Сун То, ты ведь с самого начала меня узнал, верно?!

Тао Шаньцзэ даже не успел отреагировать, как Чи Мэй неведомо как расстегнул молнию собственными когтями, выпрыгнул наружу и в тот же миг прямо перед ними обернулся человеком:

— Сун То, сколько тысяч лет прошло! А ты всё хорошеешь.

Сун То? Тао Шаньцзэ испытал лёгкий шок. О Сун То он кое-что знал: согласно историческим хроникам, двоюродная сестра Пу Сунлина вышла замуж за внука Сун То, а сам Сун То вошёл в историю как один из пяти мудрецов Тайшаня, прославившийся тем, что успешно сдал императорские экзамены во сне, благодаря чему стал небожителем.

Господин...

На дворе стоял 2020 год. Заядлый материалист Тао Шаньцзэ с дрожью в коленках ухватился за соседний книжный шкаф и воззрился на обоих мужчин. Сун То и впрямь казался сошедшим с небес бессмертным мудрецом — утончённым, интеллигентным, веющим потусторонней прохладой, но от этого зрелища сердце Тао Шаньцзэ сжалось от страха.

И Чи Мэй, и Сун То обладали неземной, завораживающей красотой, но если в Чи Мэй сквозила тёмная, зловещая демоничность — та самая, с какой он протягивал к нему острые когти в мире Ляочжая, — то Сун То воплощал собой чистую ученость и благородство книжника. Он приветливо улыбался гостю, а за его спиной беспрестанно вращался сложенный веер.

Тао Шаньцзэ ни капли не сомневался, что в случае драки этим самым веером Сун То с лёгкостью искромсает наряды Чи Мэй в лоскуты.

— Раз уж твой нынешний спутник смог отыскать даже меня, твои шансы весьма велики, — заметил Сун То.

Слово «спутник» резануло слух Тао Шаньцзэ.

— Само собой! Мало того, что он способен находить страницы, так у него ещё и плоть нежнейшая, и сам он источает такой манящий аромат... Один укус — и вкусовое блаженство гарантировано, — Чи Мэй слегка задрал подбородок, с гордостью хвастаясь перед Сун То.

— Но он всего лишь смертный, чей век недолог. Впрочем, кто знает, возможно, тебе удастся бросить вызов небесам, отыскать его перерождение и продолжить поиски страниц? — Сун То мягко усмехнулся, очевидно забавленный подобными эпитетами.

— Он другой, — Чи Мэй, казалось, и впрямь испытывал недостаток духовных сил, потому что вновь обратился маленьким котиком, хотя рога на голове исчезнуть ещё не успели. Слегка подпрыгнув, он приземлился прямо на руки Тао Шаньцзэ. — Он мой, и где бы он ни прятался, я его везде отыщу.

Впереди нас ждёт новое путешествие! Уменьшившись, Чи Мэй превращается в очаровательного рогатого котенка, но рога его дано увидеть лишь тем, кто обладает особыми способностями — обычному человеку они не видны. Тао Шаньцзэ смог разглядеть их благодаря тому, что приобрёл «Инь-Ян глаза» в первом же мире.

Тао Шаньцзэ был готов силой сбросить его с себя, но тон Чи Мэй звучал чересчур уверенно. Смягчившись в очередной раз, он позволил зверьку остаться, а тот продолжил:

— Кстати, Тао Шаньцзэ пришёл к тебе по делу, только стесняется сказать. Похоже, мне придется озвучить это за него.

— Его зовут Тао Шаньцзэ? — Сун То изогнул брови, бросив на парня мягкий, ласкающий взгляд.

Раз уж Чи Мэй заговорил об этом первым, Тао Шаньцзэ, разумеется, не стал выкладывать истинную причину своего визита. Расспрашивать о письменах в голове теперь тоже было неловко, поэтому он просто покачал головой:

— Ничего подобного, я просто зашёл посмотреть книги.

— У меня есть один альбом с живописью, хочешь взглянуть? — с задумчивым видом произнёс Сун То.

— Тао Шаньцзэ, у Сун То в избытке книг по обе стороны бытия — и светлых, и тёмных. Если хочешь, я попрошу его подарить тебе любую, мы ведь дружим уже не одну тысячу лет, — с улыбкой проговорил Чи Мэй, время от времени посасывая собственную лапку и хлопая влажными глазёнками, ничем не отличаясь от самого обычного домашнего кота.

Это движение заставило Сун То рассмеяться:

— Проведя тысячелетия в человеческом облик, он растрчивает слишком много духовных сил. Со временем ему всё труднее оставаться человеком.

Краем глаза Тао Шаньцзэ заметил альбом в руках Сун То — судя по всему, это был сборник настенных росписей, скорее всего, современная репродукция.

Тао Шаньцзэ отделался дежурной улыбкой, совершенно не представляя, о чём еще говорить с хозяином лавки. Обстановка вокруг Сун То идеально гармонизировала с окружающими

книжными шкафами, источая тот же густой запах старого дерева. По привычке потрепав шерстку Чи Мэй, он произнёс:

— Время уже позднее, я, пожалуй, пойду домой.

Не успел он договорить, как за окном оглушительно гроыхнул гром. Небо мгновенно заволочло свинцовыми тучами, а резные оконные переплёты заходили ходуном от порывов ветра, предвещая ливень. И это при том, что Тао Шаньцзэ отчётливо помнил: перед выходом из дома он проверял прогноз погоды, и ни о каком дожде не было и речи.

Сун То обернулся и мягко проговорил:

— Погодите немного, переждите дождь. Я пока заварю чай.

На душе у Тао Шаньцзэ заскребли кошки. От услышанного ему захотелось уйти ещё сильнее, и он вежливо отказался:

— Не стоит, мы с Чи Мэй лучше пойдём.

Хлоп! Две чашки с грохотом опустились на лакированный красный стол, расплескав вокруг зеленоватую заварку.

— Не спешите, выпейте чаю перед дорогой. Тао Шаньцзэ, ты ведь наверняка слышал притчу о луке и отражённой в чашке змее? То, что отражается в чаше — всего лишь иллюзия, хотя... порой она может оказаться и правдой, — Сун То протянул ему чашку. У Тао Шаньцзэ не было причин отказываться, но резкая перемена в поведении хозяина лавки ставила в тупик.

А затем Сун То продолжил:

— Тао Шаньцзэ, ты уже привык повсюду таскать за собой Чи Мэй. Но он ведь не человек — неужели тебе совсем не страшно, что в один прекрасный день он тебя просто проглотит?

Тао Шаньцзэ испуганно заглянул в свою чашку: на поверхности воды и впрямь чётко отражался окутанный клубами чёрного дыма зверь, которого он видел в Мире Ляочжая. Рука у него дрогнула, и чай едва не выплеслся через край.

Если подумать, всё это и впрямь выглядело странно. По логике вещей, после того как Чи Мэй обошлся с ним в том мире, он должен был бежать от него без оглядки. Однако парень не только не бросил его, но и совершенно естественно принял как члена семьи, да ещё и притащил с собой.

— Сун То, выбирай выражения! Что значит проглотит? Я вообще-то людей не ем, понятно?

Чи Мэй тут же выскочил из рук Тао Шаньцзэ и в мгновение ока принял человеческий облик. Говорил он мягко, словно они с хозяином лавки просто шутили.

— Вот и ладно, тогда выпейте чаю, — загадочно улыбнулся Сун То, подвигая чашку к Чи Мэй.

— К чему это ты вдруг вспомнил про лук и змею? — поинтересовался Чи Мэй.

Сун То ответил улыбкой без слов и полуоборотом взглянул в окно.

Ливень уже разразился вовсю: шум воды напоминал удары тысяч железных молотов, сливавшиеся в сплошной грохот. Комната погрузилась во тьму. Подняв голову, Тао Шаньцзэ заметил, что лица Сун То в наступившей темноте больше не разглядеть.

В воздухе то и дело повевало ароматом старого дерева, но эту тишину вскоре нарушил резкий чиркающий звук — вспыхнула спичка. Слабый желтоватый огонёк озарил пространство, белая свеча опустилась на красный лакированный стол, и в чаше с недопитым чаем Чи Мэй заплясали зыбкие блики.

— Похоже, уйти нам сегодня не удастся, — неожиданно произнёс Чи Мэй, с усилием массируя виски.

Если бы Тао Шаньцзэ присмотрелся к нему в этот момент повнимательнее, то заметил бы вздувшиеся на лбу вены и искажившееся от нешуточной боли лицо.

— О чём ты? — опешил Тао Шаньцзэ. Глаза его заполнил свет свечи, чьё трепещущее пламя выхватило из темноты фигуру Сун То — в руке того откуда-то появился подсвечник, на который он водрузил вторую белую свечу. — Выйдите и взгляните сами.

Хотя Тао Шаньцзэ ничего не понимал, слова Чи Мэй о том, что выбраться наружу не получится, всё равно заронили в душу червячка сомнения.

Чи Мэй сунул ему в руку чёрный зонт и толкнул резную створку. За дверью тяжёлые капли дождя сплошной стеной хлестали по каменным плитам. Укрытый под зонтом Чи Мэй заслонил собой Тао Шаньцзэ; в нос ударил густой запах крови. Шагая по дорожке к выходу, парень замер, едва завидев каменную ширму.

Высеченные на ней рыбы ожили и теперь лениво, изгибая хвосты, плавали прямо в дождевых потоках. Миновав ширму и приблизившись к главному входу, они с изумлением обнаружили, что парадные двери изменились: вместо прежних створок перед ними возвышалась древняя храмовая дверь с облесшей красной краской, сквозь которую проступала бурая древесная текстура.

— Заглянем внутрь? — голос Чи Мэй утратил прежнюю легкость и звучал тяжело. Он опустил

взгляд на Тао Шаньцзэ, который был ниже его ровно на голову.

— Обязательно туда идти? — Тао Шаньцзэ отчетливо понимал, что угодил в ловушку, откуда нет возврата. Стоя под зонтом, он обернулся и посмотрел на Сун То, застывшего на крыльце.

Тот стоял прямой как струна, с чашкой чая в руке, и провожал их полуулыбкой.

Яркая вспышка молнии озарила двор с такой силой, что стало светло как днем, и тут Тао Шаньцзэ с ужасом понял: с неба падала вовсе не дождевая вода, а самые настоящие струи крови.

— Не оглядываясь, входим, — обняв Тао Шаньцзэ за плечи, Чи Мэй толкнул облупившуюся деревянную створку.

За дверью обнаружился заброшенный полуразрушенный храм. Посреди главного зала возвышалась статуя божества, а под сводами висели выцветшие погребальные стяги и ветхие полотна, сплошь оплетённые паутиной — всё здесь явно было заброшено уже много лет назад. Зонт в руке Чи Мэй превратился в свечу, белым пламенем до боли напоминавшую ту, что осталась у Сун То. Одной рукой он держал свечу, а другой крепко сжимал ладонь Тао Шаньцзэ:

— Держись за мной.

Тао Шаньцзэ молча кивнул. Круг света от свечи был совсем небольшим — удавалось разглядеть лишь пробивающуюся сквозь трещины в полу траву да покосившиеся деревянные столы и стулья.

На мебели толстым слоем лежала пыль, поверх которой выросли целые пласты огарочных восковых натеков, толщиной превосходивших сами столы.

<http://bllate.org/book/22407/2352260>